

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала картошка,
Где за стенкою жил отставной конвоир,
Всё приученный слушать сторожко.
Где динамик хрипел от темна до темна
И нигде его не выключали –
Вдруг внезапно объявят, что снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня одарил
Знанием опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,
«Орленок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утесов хрипел нам про шар голубой,
Но мы знали – объявят тревогу,
И пойдем «на последний, решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи, в ногу...»
А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
И давно нет в быту керосина.
Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»
Где был дух, там одна Хиросима.
Слышу старых друзей голоса из-под плит –
Им так больно, что мир разворован!
И отрада одна – белый аист летит
Все же выше, чем каркает ворон...

Воды остыли, раскисли дороги.
Скоро, наверное, Праведный Суд.
Люди боятся – гневливые боги
Что еще страшного им принесут?

Болью и ложью истерзанный весь я,
Мучусь иным у грядущих Голгоф--
Что вознесется со мной в поднебесье,
Чем испугаю усталых богов?..

Когда подступает обид череда,
И мир покидают хорошие люди,
Я в миг роковой вспоминаю всегда,
Что лучше не будет...

И в небе напрасную птицу слежу,
И взгляд мне звезда обжигает всевластно.
Но я всё о том же твержу и сужу –
Мол, всё не напрасно...

Никем не отменится час роковой...
И слепо бредя по пузырячатой луже,
Шепчу еле слышно: «Гордись, что живой...
Бывает и хуже...»

Пусть целит судьба, чтоб ударить под дых,
И звезды тускнеют в неоновом свете,
Пусть ветер свистит в колокольнях пустых,
Он все-таки ветер...

Узколиция тень всё металась по стареньким сходням,
И мерцал виновато давно догоревший костер...
А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
К безразличному небу худые ладони простер.

И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой примятый,
Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.

Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...
Вдалеке завывала простуженным басом собака
Да надрывно гудели о чем-то своем провода.

Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
Чтоб во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть...

И отец в небесах...
И нет счета все новым потерям.
И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

Свеча горела...
Борис Пастернак

Дрожат небесные лучи
Меж тонких веток.
Судьбу с реальностью сличи —
И так, и этак...

Мерцает тихо вновь и вновь
Средь снегопада
Свеча-судьба, свеча-любовь,
Свеча-отрада.

И невозможно оторвать
Свой взор усталый,
Следя – струится благодать
Над снегом талым.

Всё бренно... Ниточка слаба,
Но длят мгновенья
Свеча-печаль, свеча-судьба,
Свеча-прозренья.

Куда ни глянь, чего ни тронь –
В любовном стоне
Пусть тонет женская ладонь
В мужской ладони.

И пусть не меркнут в толще лет,
Средь лжи и смрада,
Свеча-закат, свеча-рассвет,
Свеча-отрада...

Шепоткам назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времен,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рожден родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
--Как же звать тебя, милай?.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь -- несжатой полоской,
Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
--И куда ты, Иване? --Туда, где красою неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

--Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана --
Подрастет и вражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
--Ты откуда, Иван? --Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несущ...

«А я любил советскую страну...»

Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране, исчезнувшей!.. Однако
Ее люблю, не глядя на ГУЛАГ
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчетливей видна,
Там дух иной и истинность – иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролет,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про «Валенки» поет
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград еще не Волгоград,
Там «Тихий Дон», там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад –
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
«Столица нашей Родины – Москва...»
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас – салют...
Во славу той страны, которой нету.

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»
Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
И аист кружил... Он в полете не думал о воле –
Не думает вовсе о воле свободный народ!..

И что-то мешало идти и не думать о брэнном,
И что-то велело укрыться в свое забытьё.
А это Россия торопко струилась по венам,
В висках выбивая росистое имя свое.

И что-то гудело в далекой, не хоженной чаще,
Да так, что казалось – вот-вот и уже бурелом...
Но аист летящий, но аист о чем-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.

И вроде светлело... Все больше являлось народу –
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стылую черную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.

И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
И плечи не гнулись под вечное: «Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах Россия гудела,
И в трюмб собиралась, готовая сердце взорвать...

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,
Не идет разговор... И не пьется... И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются все те же вопросы:
«Что же делать теперь?..» И, конечно же: «Кто виноват?»

Да, характер таков у смурного от жизни народа,
Всё: «Авось, перебьемся... Авось, доживем до поры...»
Будут мёд добывать, а себе не останется меда,
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.

Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Всё боятся чего-то и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты – чуть свет! -- выбегает девчужка,
И сама, как росинка, и солнце несет в волосах.

И ее узнают и деревья, и рыбы, и птахи,
И листок золоченый всё тщится в ладошку слететь...
Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.

Засочится смола вдоль недавно ошкуренных бревен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилось...
-- Кто виновен? – спроси. И ответят: «Никто не виновен...»
--А что делать-то нужно?–Так выживем, людцы...Авось...»

Время метаний... Основа основ.
Пусто и голо.
Вроде Микола стоит Лупсяков...
Як ты, Мікола?

Переступлю через снежный сумёт,
Прошлое – рядом.
Толя Гречаников руку пожмет:
«Што з перакладам?..»

От недовольных супружниц тайком,
Ближе к вечерне,
С Мишей Стрельцовым пойдем с коньяком
К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:
“Вып”ем і годзе...”
По корректуре размашисто: “Ў друк!”—
Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.
Стежечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!..

А с поднебесья: “ Ушедших – не тронь!..”--
Грозно и строго.
Толькі валошка казыча далонь...
Цёмна... Нікога...

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
Смущенные аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.

Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрёпа... Без отчества...

Чадит костерок.

--Подходи, посидим –

Вот здесь, под березою...

Но Ванька питается духом грибным

И дымкою розовой.

--Эй, Ванька, чего это в душах свербит,

Вот ёлки зеленые!

Он лишь отмахнется и что-то бубнит

Свое, забубённое.

О чем ни спроси, Ванька врать не мастак:

«Не знаю... Не ведаю...»

Прощается с августом Ванька-дурак,

А мы тут с беседою.

Тридцатое августа... Голос далёк.

Редееет дубравушка.

А истину знают лишь ванькин киёк

Да вдовый журавушка.

Первое августа. Завтра Илья.

Серым дождям ни конца, ни начала.

Сохнет-не высохнет стопка белья,

Что накануне жена настирала.

Лето на позднем своем рубеже,

Сколько Илью ни зовите Илюшей...

И поселяется осень уже

Первого августа в стылую душу.

Значит, мне старые книги листать,
В небе выискивать светлые пятна.
Значит, мне с птицами вдаль улетать,
Точно не зная – вернусь ли обратно?..

Разбавляешь памятью вино
Или же вином разводишь память...
По большому счету, все равно –
Падать в пропасть или в бездну падать.

И когда рассыплется блокнот,
Из случайно выпавшей записки
Донесется целый хоровод
Голосов, чарующих и близких.

Память-память... Зыбкая стена—
Ни туда, в забвенье, ни оттуда.
Отзовутся разве без вина
Памяти капризные причуды?

Может, чай? Какой, простите, чай,
Если день такой сегодня странный,
Если огнегрудая печаль
Булькает в граненые стаканы.

Бьется синим --жилка у виска,
Розовеет юность – рядом, близко.
И чернеет серая тоска,
И кружится желтая записка.